

Делать это нужно было не мешкая. На следующее утро, приведя себя в порядок, Шэнь Цзинцин взял кувшин отборного цветочного вина, прессованный чай и собственноручно приготовленные слоёные пирожки с узором «дракон и феникс», и направился к дому Линь Юя.

По всем правилам такие вопросы должны решать старшие: Шэнь Цзиньхуа и старик Линь. Но между молодыми людьми не было любви, да и затеял этот разговор сам Шэнь Цзинцин из чисто прагматичных расчётов. Как ни крути, совесть его была не совсем чиста. Поэтому он отправил брата в город заниматься арендой лавки, а сам решил лично поговорить с Линь Юем и выслушать его мнение.

Если охотник откажется, Шэнь Цзинцин не станет его принуждать. Насильно мил не будешь.

Лачуга Линь Юя и впрямь была жалким зрелищем. В отличие от дома семьи Шэнь, который, хоть и крыт соломой, но за годы стараний родителей и тщательных починок Шэнь Цзиньхуа обзавёлся передней комнатой, двором и прочным забором, жилище охотника выглядело крайне убого. Дверь, кажется, была сколочена из грубых брёвен, найденных прямо в лесу, а ограда представляла собой жалкое подобие из жердей и сухой травы. Перелезть через неё мог любой желающий. Шэнь Цзинцин в бессилие прикрыл лицо рукой.

Неужели его смелость проистекает из уверенности, что любой ворюга испугается его кулаков?

Линь Юй и правда жил аскетично. Даже приличного чая, чтобы угостить гостя, у него не нашлось. Когда приходил Шэнь Цзиньхуа, ситуация была той же, но охотник полагал, что кроме него больше никто не заглянет. Оба они, будучи людьми не слишком чопорными, не придавали этому значения. Кто бы мог подумать, что сегодня пожалует сам Шэнь Цзинцин.

Линь Юй выглядел растерянным:

— Чай...

Охотник и так слишком сильно переживал за мнение Шэнь Цзинцина, а теперь, когда тот увидел его бедность, Линь Юй не мог отвести взгляда, жадно следя за каждой эмоцией на лице гостя. И тут он заметил прессованный чай в руках Шэнь Цзинцина. Реакция Линь Юя мгновенно сменилась настороженностью, словно у тигра, которому наступили на хвост.

— Зачем ты принёс чай с собой?

— Всё верно, ты правильно понял. Я пришёл обсудить нашу свадьбу. — словно читая его мысли, спокойно ответил Шэнь Цзинцин.

Линь Юй решил, что всё ещё спит. Наверное, вчера увидел, как к Шэнь Цзинцину приходили сваты, и теперь грезит наяву.

— Нет... подожди, что ты сказал? — Линь Юй резко втянул воздух, всё ещё не веря своим ушам.

Шэнь Цзинцин не понял его замешательства, но, чувствуя свою неправоту, смирил тон и подробно, хоть и с лёгким смущением, изложил свои намерения.

— Нет, я не могу... воспользоваться твоим положением. — Лицо Линь Юя залилось краской. Он выглядел так, будто честная девица, внезапно лишившаяся чести.

Шэнь Цзинцин же полагал, что воспользовался ситуацией именно он. Пусть нравы в империи и были относительно свободны, но к гэр, пережившим развод, общество всё же относилось с предубеждением. К мужчинам, впрочем, всегда были снисходительнее. Видимо, Линь Юй, будучи человеком честным, не хотел портить ему репутацию.

— Не беспокойся, я не останусь внакладе, — успокоил его Шэнь Цзинцин.

Линь Юй чувствовал себя крайне неловко. Ему страстно хотелось согласиться, пусть и поступив подло. Но он прекрасно понимал, что Шэнь Цзинцин пришёл к нему лишь от безысходности. Он не мог позволить себе воспользоваться чужими трудностями.

Линь Юй продолжал отказывать.

— Брат Линь, на самом деле я планирую открыть ресторан в городе и зову тебя в долю. У тебя отличные боевые навыки и широкие связи. Мы могли бы прекрасно сотрудничать. — терпеливо продолжил Шэнь Цзинцин — Посмотри на это под другим углом. Считаю брачную грамоту деловым договором. Мы не собираемся строить любовь, мы объединяемся ради взаимной выгоды. Чувства могут остыть, а вот узы, скреплённые интересом, куда надёжнее.

От этих слов сердце Линь Юя ёкнуло и похолодело.

Шэнь Цзинцин внимательно следил за его лицом.

Видимо, для человека из прошлого такие рассуждения слишком радикальны...

Вдруг его осенило:

— Или... брат Линь, у тебя уже есть кто-то на примете? Девушка или гэр, кого ты любишь?

Услышав этот вопрос, Линь Юй резко вскинул голову, но под пронзительным, влажным взглядом миндалевидных глаз Шэнь Цзинцина быстро отвёл взгляд, не смея встретиться с ним глазами.

Шэнь Цзинцин, заметив его бегающий взгляд, тоже почувствовал холодок в груди.

Как же я упустил самое главное? Спросил обо всём, кроме этого!

Линь Юй всегда был одиночкой, и Шэнь Цзинцин ни разу не видел рядом с ним женщин или гэров, поэтому мысленно решил, что сердце охотника свободно. А вдруг он давно и безответно влюблён? Вот это действительно было бы подло.

Осознав свою оплошность, Шэнь Цзинцин смутился:

— Прошу прощения, брат Линь. Я не знал, что ты занят. Прости за неуместный вопрос.

Он не нашёл, что добавить, и лишь сухо буркнул:

— Эти слоёные пирожки я сделал сам. Попробуй, если хочешь. Извини, что побеспокоил, — бросил он на ходу, разворачиваясь к выходу.

Честное слово, эта ситуация пугала его куда сильнее, чем орда заражённых в прошлом мире.

Линь Юй понял, что тот всё неправильно истолковал. Досада сжала ему грудь, но он не знал, стоит ли сразу развеивать это заблуждение. Со сватами из клана Линь можно было разобраться множеством способов. Самый простой — хорошенько их проучить, чтобы впредь не лезли. Но если Шэнь Цзинцин согласится на брак... это может связать его на всю жизнь. Линь Юй не смел так легкомысленно относиться к судьбе гостя.

Пока он колебался, Шэнь Цзинцин уже скрылся за дверью.

Линь Юй уставился на оставленные пирожки, и лишь сейчас его лицо полыхнуло огнём. Мысленно обругав себя, он резко отодвинул табурет и бросился вдогонку.

.....

Когда Шэнь Цзинцин вернулся домой, тётка Линь и её свита уже ждали его у порога. Вчерашняя сцена наделала много шума: те, у кого были дети-гэры или незамужние девушки, пришли из участия, а остальные решили просто поглазеть.

Шэнь Бай, разумеется, тоже прослышал об этом. Ситуация его забавляла. Пока перец не создавал ему проблем, эта брачная история наверняка вызовет у Шэнь Цзинцина головную боль.

Старейшины старшей ветви семьи Шэнь всегда слушались его. Достаточно было слегка

подтолкнуть их, и дед с бабушкой уже готовы были сосватать внука, с которым давно порвали отношения, за игрока в кости.

Дед и бабушка Шэнь, козыряя почтенным возрастом и старшинством, вместе с двумя ведьмами — тёткой Линь и свахой Ван, нагло заняли переднюю комнату и отказывались уходить. Они были уверены, что ради карьеры Шэнь Цзиньхуа братья не посмеют их тронуть. Они ведь родные дед и бабушка этих сорванцов! Стоит кому-то их толкнуть, и по деревне полетит сплетня о непочтительности к старшим.

Шэнь Цзиньхуа уехал в город арендовать лавку и не мог вернуться так быстро.

Шэнь Цзиньцин едва переступил порог, как увидел, что замок взломан, а гости уже хозяйничают в доме.

Он рассмеялся от злости:

— Вы так открыло ломаете чужие двери и не боитесь, что я подам в суд за кражу со взломом?

— Ох, да что ты мелешь, дрянной мальчишка?! — взвизгнула бабушка Шэнь, и в её взгляде не осталось ничего, кроме злобы. — Смеешь называть своих деда и бабушку ворами?!

Дед Шэнь затянулся трубкой. Видя, что жена уже ввязалась в спор, он принял вид главы рода:

— Какой ещё взлом? Этот участок ещё десять лет назад принадлежал мне. Ты, дикарь невоспитанный, ничего не понимаешь! Сидишь тут под крышей только благодаря моей милости.

Старик снова глубоко втянул дым и медленно выпустил густое белое облако. Едкий табачный дым быстро заполнил комнату, делая воздух тяжёлым и удушливым.

Шэнь Цзиньцин отмахнулся от дыма, бьющего в лицо:

— Твоё место? Ты говоришь о тех двух му бесплодной земли, что выделили моему отцу при разделе семьи десять лет назад? Вам тогда отдали пять лянней серебра. Этого хватило, чтобы полностью выкупить этот участок.

Его взгляд стал ледяным:

— А когда вы ступали по этой земле, здесь не было даже жалкой лачуги. Каждый кирпич, каждая черепица, каждый камень в этом доме заработаны руками моих родителей!

— Шэнь Цзяньфэн, какое тебе до этого дело?

Взгляд Шэнь Цзинцина, тёмный и неподвижный, заставил деда поежиться.

— Неужто совесть не мучает, когда вы обираете покойников?

— Да мы им ещё три му плодородной земли выделили! Чего вы, нахлебники, разорались?

Бабушка Шэнь, не выдержав его пристального взгляда, взвилась:

— Ты, падаль, смеешь родителей покойниками величать? Не боишься, что они ночью за тобой придут?!

Три му плодородной земли? Да на тех участках земля вся в трещинах, даже арахис не вырастет! Рассказать людям, да только на смех поднимут.

Шэнь Цзинцин перевёл взгляд на старуху:

— Я бы только рад был, если б они ночью навестили меня. А вот кто из нас двоих должен дрожать от страха ещё вопрос.

У стариков и без того была нечиста совесть перед вторым сыном, а после слов внука по спине у них пробежал холодок.

Тётка Линь и сваха Ван, до этого молча наблюдавшие со стороны, мысленно сплюнули в один голос. Стало ясно, что от этих старых маразматиков толку не будет. Не пообещай они перед приходом, что благодаря статусу легко усостыят непочтительных внуков, кто бы, после вчерашнего скандала, решил сюда явиться? И зачем только поверила этим старикам, одно невезение. Ещё смеют требовать пять лян за успешную сватовскую работу.

Бабушка Шэнь, не сумев перекричать его острый язык, взвизгнула:

— Ах ты, мерзкий мальчишка! Да как ты смеешь перечить старшим? Перевернулся мир, что ли? Я тебе бабушка! Захочу и выдам тебя за петуха, а захочу, так ты за пса пойдешь! И какое ты имеешь право огрызаться?!

В ярости она схватила пиалу с чаем и швырнула её прямо в лицо Шэнь Цзинцину.

Он ловко уклонился, схватил метлу и тут же отвесил ей удар. У тётки Линь и свахи Ван при виде метлы всё внутри сжалось от страха. Шэнь Цзинцин не пожалел никого, отстегав каждую по одному разу, и в его движениях читалась та же решимость, с какой Шэнь Цзиньхуа вчера

выметал непрошенных гостей за порог.

— Шэнь Цзинцин, ты, ублюдок! — взвизгнула тётка Линь. — Кому ты нужен, брошенный товар?! Думаешь, за тобой очередь?!

Сваха Ван за годы своей практики неплохо отъелась, и теперь, уворачиваясь от ударов, всё её тучное тело тряслось:

— Ой, не бейте! Смиритесь уже!

Не успела она договорить, как снова получила удар. Окончательно испугавшись, она завопила:

— Хватит, не буду я тебя сватать! С таким крутым нравом кто ж тебя возьмёт!

— Я на нём женюсь! Я хочу жениться на Шэнь Цзинцине!

Голос Линь Юя, громкий и резкий, словно нож, рассёк воздух, мгновенно заставил всех замереть.

Шэнь Цзинцин опустил метлу, изумлённо глядя на него. Избитые гости наконец-то смогли перевести дух.

Было ясно, что Линь Юй, догнав его на полпути и узнав о случившемся, забыл обо всём на свете и выпалил первое, что пришло в голову. Он тяжело дышал, с него градом катился пот. Осознав, что на него смотрит не только Шэнь Цзинцин, но и толпа посторонних, он залился ещё гуще краской. Но, стиснув зубы, он отбросил последние сомнения:

— Я стану зятем и останусь жить в доме Шэнь Цзинцина. Если кто-то ещё претендует, я не прочь посоревноваться.

Семья госпожи Шэнь из соседнего дома пару дней была в городе по делам мужа и только вернулась. Шум у Шэнь Цзинцина стоял невероятный. Прислушавшись и не разобрав слов, она из тревоги бросилась проверять, что стряслось. Каково же было её удивление, когда она застала картину противостояния и услышала слова Линь Юя.

Тётка Линь презрительно сплюнула:

— Тьфу! Теперь понятно, почему вы так упираетесь. Два бесстыдника уже давно сговорились!

<http://bllate.org/book/17180/1621366>